

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА В.И. ЛЕНИНА**Пётр Николаевич Кондрашов,**

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
pnk060776@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.02.2021, принята к публикации 16.06.2021

Для цитирования: Кондрашов П. Н. Социальная диалектика В.И. Ленина // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 10–35. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_10

Аннотация

Целью статьи является историко-философский анализ наиболее важных аспектов ленинской диалектики социальных процессов и явлений, понимаемой и как метод, и как формы объективной и субъективной диалектики. В статье анализируются исходные положения ленинского учения: «ядро» диалектического метода (принцип единства и борьбы противоположностей), исторический «дух марксизма» (рассмотрение любого явления как историчного) и классовый характер социальных исследований. В связи с этими фундаментальными положениями в структуре социальной диалектики В.И. Ленина эксплицируются такие необходимые элементы, как принципы историчности, конкретности, тотальности, единства теории и практики, отражения/репрезентации, творческого («опережающего») сознания и одновременно «сосуществования» высших и низших социальных форм и структур. Помимо этого, социальная диалектика Ленина (как диалектическое единство теории и практики) рассматривается в свете ее разрушительного содержания по отношению к капитализму и созидательного – к построению социализма. В результате проведенного исследования автор формулирует определение социально-диалектического и материалистического метода Ленина как способа конкретно-исторического исследования конкретных социальных явлений, процессов и ситуаций (тотальностей), посредством чего в этих социальных структурах и механизмах выявляются реально существующие классовые противоречия, через анализ которых объясняется истори-

© Кондрашов П.Н., 2021

ческая динамика самих социальных явлений, т. е. их возникновение, существование, функционирование и гибель (переход в иное состояние). Наконец, посредством этого, и научного, и социально-классового анализа, а также научно обоснованного прогнозирования можно осуществлять соответствующую социальную *практику*, направленную как на разрушение существующих эксплуататорских систем угнетения, так и на созидание будущего общества на основе выявленных ростков и тенденций, которые изнутри взрывают нынешнее состояние и ведут к возникновению нового. Автор делает вывод, что наиболее важными заслугами Ленина в разработке социальной диалектики марксизма был конкретно-исторический анализ конкретной ситуации, понимаемой как тотальность, и возвращение активного, инициативного революционного субъекта в социально-историческую практику.

Ключевые слова:

Ленин, марксизм, материалистическая диалектика, тотальность, историчность, опережающее сознание, историческая инициатива, единство теории и практики, принцип «сосуществования», диалектика разрушения и созидания.

UDC 101.8

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_10

LENIN'S SOCIAL DIALECTICS

Pyotr N. Kondrashov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
pnk060776@gmail.com

Article received on February 25, 2021, accepted on June 16, 2021

For citation: Kondrashov, P.N. (2021). Lenin's social dialectics. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 10-35. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_10

Abstract

The purpose of this article is to conduct a historical and philosophical analysis of the most important aspects of Lenin's dialectics of social processes and phenomena, understood both as a method and as a form of objective and subjective dialectics. The article considers basic provisions of Lenin's doctrine: the "core" of the dialectical method (the principle of the unity and struggle of opposites), the historical "spirit of Marxism" (consideration of any phenomenon as historical) and the class nature of social research. In terms of these fundamental provisions the structure of Lenin's social dialectics contains such necessary elements as the principles of historicity, concreteness, totality, the unity of theory and practice, reflection/representation, creative ("outstripping")

consciousness and simultaneous “coexistence” of higher and lower social forms and structures. In addition, Lenin’s social dialectics (as the dialectical unity of theory and practice) is examined in the light of its content, destructive in relation to capitalism and creative regarding construction of socialism. As a result of the study, the author formulates the definition of Lenin’s socio-dialectical and materialist method as a way of concrete historical research of specific social phenomena, processes and situations (totalities), by which real class contradictions are revealed in these social structures and mechanisms, and through the analysis of which the historical dynamics of social phenomena is explained, i.e. their emergence, existence, functioning and death (transition to another state). Finally, through this both scientific and social-class analysis, as well as scientifically based forecasting, it is possible to implement appropriate social *practice* aimed both at destroying existing exploitative systems of oppression, and at building a future society on the basis of identified sprouts and trends that blow up the current state from inside out and lead to the emergence of a new one. The author concludes that the concrete historical analysis of the specific situation, understood as totality, and reversion of an active, initiative revolutionary subject to the socio-historical practice were the most important Lenin’s achievements in the development of Marxist social dialectics.

Keywords:

Lenin, Marxism, materialist dialectics, totality, historicity, outstripping consciousness, historical initiative, the unity of theory and practice, the principle of “coexistence”, dialectics of destruction and creation.

Введение

В апреле 2020 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В.И. Ленина. В связи с этой юбилейной датой и в России, и во всем остальном мире публикуется огромное количество научных, биографических, публицистических, художественных работ, посвященных самым разным сторонам деятельности этой многогранной личности поистине мирового масштаба. Здесь же нас будет интересовать только его *философия*. Ленин внес огромный вклад в развитие фактически всех элементов *философии марксизма* (и это в то время, когда многие марксисты считали, что *в марксизме нет своей собственной философии*). Но особое значение, на наш взгляд, имеет его разработка *материалистической диалектики*, осуществленная на всех направлениях: от методологии, диалектической логики и диалектики объективного материального мира до диалектики революционного процесса и диалектики построения социалистического общества.

В теоретическом и политико-практическом наследии Ленина диалектика, развиваясь и постоянно обогащаясь, принимала самые разнообразие формы. Обо всех этих перипетиях написано много работ. Однако прежде чем приступить к непосредственному анализу заявленной темы, следует обозначить метафилософский контекст рассмотрения. Дело в том, что мы различаем два, часто пересекающихся, часто противоположных взгляда на диалектику у самого Ленина. С одной стороны, это *объективно-сциентистская, онтологическая диалектика природы*, изложенная в «Материализме и эмпириокритицизме» (1909 г.),

восходящая через Г.В. Плеханова к позднему Ф. Энгельсу периода «Анти-Дюринга»; с другой – *субъектно-активистская* диалектика «Философских тетрадей» (1895–1920 гг., основной текст 1914–1915 гг.) и вообще *всей социально-политической деятельности* Ленина, восходящая к К. Марксу и Ф. Энгельсу, Н.Г. Чернышевскому, частью к идеям народников.

Первая форма ленинской диалектики была подхвачена сталинистами (М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Я.Э. Стэн, В.Н. Ральцевич, Э.Я. Кольман) в конце 1920-х – начале 1930-х гг., вульгаризирована и закреплена в марксизме-ленинизме (диамат/истмат), в котором бессубъектная диалектика природы, действительно, была «распространена» на общество и историю (И.В. Сталин), чего не было ни у классиков, ни у Ленина, ибо они «шли другим путем»: от диалектики классов, способов производства и общественных формаций и исторического процесса к «диалектике всего» (у Энгельса). На Западе эта ленинская диалектика была, напротив, *творчески* развита в структуралистском (Л. Альтюссер, Н. Пуланзас, Э. Балибар, М. Годелье, Л. Гольдман, Ж. Рансьер) и аналитическом (Дж. Коэн, Ю. Эльстер, Дж. Ремер, Э.О. Райт) марксизме. Наиболее значимые советские исследования ленинской диалектики, представленной в «Материализме и эмпириокритицизме», мы находим в работах Б.М. Кедрова, З.М. Оруджева, Э.В. Ильенкова.

Вторая форма ленинской диалектики (весьма близкая к диалектике К. Маркса его раннего периода) имела продолжение в работах советских психологов (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, А.В. Брушлинский) и философов (Э.В. Ильенков, М.С. Каган, Г.С. Багичев, Э.Г. Юдин, Г.П. Щедровицкий, К.Н. Любутин), ориентированных на деятельностный подход. Такая активистская диалектика Ленина серьезно повлияла на А. Грамши, частью на Мао Цзэдуна, на идеологов национально-освободительных движений и левых радикалов середины XX столетия (Г. Маркузе, А. Негри, М. Тронти, Ж. – П. Сартр, Г. Дебор, Д. Бенсайд, Э. Че Гевара).

Детальное исследование всех форм диалектики (объективной, субъективной, социально-исторической, теории диалектики социализма) в ленинской мысли на разных этапах ее развития было в свое время представлено в монографии «История марксистской диалектики. Ленинский этап» (Курсанов, 1973). Специальную монографию проблеме «Ленин и диалектика» посвятил М.М. Розенталь (1963), где, наряду с идеологическим пустословием, встречаются и интересные моменты. Но судьбы ленинской диалектики и ее интерпретации в истории философии – тема отдельного разговора.

Несмотря на свое незнакомство с ранними текстами Маркса и зависимость своих философских взглядов от сциентистской линии Энгельса-Плеханова, Ленин сумел проникнуть в мысль молодого Маркса о *центральном месте активного субъекта в историческом процессе*, что полностью игнорировалось вождями II Интернационала с их линейным детерминизмом и «железными законами истории». Именно в этом и сказалась радикальная диалектичность социальной и политической мысли В.И. Ленина в противоположность и Ф. Энгельсу «Анти-Дюринга», и Э. Бернштейну с М. Адлером с их «кантианскими вариациями», и «рenegату» Каутскому с его дарвинистскими биологическими замашками, и большевикам-махистам во главе с А.А. Богдановым.

Именно отказ в революционной инициативе рабочему классу со стороны лидеров европейской социал-демократии в 1914 г., когда она поддержала Первую мировую войну, и шокировал Ленина. Этим, кстати, объясняется интересный биографический факт из его жизни: вместо того чтобы броситься в пучину борьбы, связанной с войной, Ленин в 1914–1915 гг. садится за изучение «Науки логики» Гегеля, т. е. за изучение его революционной диалектики.

Если в политической философии Ленин фактически всегда придерживался активистской позиции, то в онтологии и гносеологии стоял на объективистской точке зрения, особенно в «Материализме и эмпириокритицизме». Однако работа над гегелевскими текстами внесла и в эти сферы долю активизма. М. Бергфельд, говоря о «научном» марксизме вождей II Интернационала и их использовании диалектики, в несколько грубой манере констатирует: «Спасая диалектику от интеллектуальной помойки, Ленин также подтверждает примат человеческой воли в революционном процессе, что находит свое высшее выражение в его «Апрельских тезисах» (Bergfeld, 2012).

Поскольку ленинская диалектика, взятая в целом, многогранна не только в собственно научном и философском, но и в первую очередь в политическом и практическом смысле, что требует соответствующего многостороннего анализа, то в предлагаемой статье мы обратимся к *предварительному* анализу некоторых идей Ленина, относящихся только к его *социальной диалектике*. Поэтому наше разыскание изначально ограничено этими рамками и не претендует на всесторонность.

Диалектику (в ее целокупном ленинском понимании) можно рассматривать по крайней мере в трех *научных* смыслах, а именно как:

1) **свойство** неживой и живой природы, общества, культуры, психики и мышления развиваться через имманентные им противоречия и их снятие. Речь идет о так называемой *объективной диалектике*, в том виде, как ее понимал вслед за Ф. Энгельсом Ленин;

2) **учение** об этом свойстве бытия и особенностях его проявления в той или иной сфере бытия, а также система категорий и законов, посредством которых схватывается и отражается в мышлении объективная диалектика мира: «учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», то есть развития всего конкретного содержания мира и познания его, то есть итог, сумма, вывод *истории* познания мира» (Ленин, 1973b, с. 84) (так называемая *субъективная диалектика*; в широком смысле – *диалектическое мышление*, движение и развитие мыслей, понятий, которые отражают в сознании объективную диалектику);

3) **метод**, посредством которого исследуется объективный и субъективный мир.

В предлагаемой статье мы проанализируем только *некоторые аспекты ленинской диалектики социальных процессов и явлений* в оптике трех указанных «форм» обнаружения диалектики, полностью оставляя в стороне, «вынося за скобки» ленинскую онтологическую диалектику материи и сознания, известные всеобщие законы, ленинскую концепцию единства диалектики, логики и теории познания, диалектику естествознания и близкие к ним темы, в основном затронутые в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Заметим

только, что в свете исследований последних лет все эти темы требуют нового, более тщательного осмысления.

Исходные положения социальной диалектики Ленина

В качестве исходных пунктов, из которых далее разворачивается диалектика и диалектический метод Ленина, мы возьмем три его известных положения, касающихся ядра *диалектики, духа марксизма и классового (партийного) характера социальной науки*.

1. Ядро диалектики. «Вкратце, – пишет в 1914 г. Ленин (1973b), – диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития» (с. 203). Хотя здесь речь идет о диалектике как *учении*, но понятно, что у Ленина «учение» всегда неразрывно связано и с соответствующим *методом*, и с соответствующей *практикой*. В данном положении Ленин говорит о том, что составляет внутренний стержень диалектического научного метода исследования – обнаружение во всяком явлении *реально (онтологически) существующих внутренних и внешних противоречий и их синтезов* (Розенталь, 1963, с. 44). В приложении к исследованию социальных процессов для Ленина это «ядро» фундаментально означает требование экспликации, во-первых, *конкретных противоречий в развитии экономической структуры*; во-вторых, *классовых противоречий*, выраженных объективно в классовой борьбе и отстаивании классовых интересов, субъективно – в формах классового сознания.

Однако здесь возникает вполне разумный вопрос: а для чего вообще надо обнаруживать в социальных явлениях (процессах, состояниях, механизмах, структурах, отношениях, формах сознания, нормах, институтах) эти противоречия/противоположности и их единства/синтезы? Какова *цель* реализации, *применения этого принципа*? Явно же, что все это должно проделываться не ради «спортивного интереса». И не только для того, чтобы с умным видом сказать: «Вот, мол, посмотрите, как противоречив этот мир», или ради простой констатации факта: «Нью-Йорк – город контрастов».

2. Дух марксизма. На этот «прагматический» вопрос отвечает второе исходное положение, сформулированное в 1916 г. Лениным (1975) в одном письме Инессе Арманд, где он пишет: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (с. 329).

Взятые вместе эти два исходных принципа, по сути дела, говорят, что, во-первых, через экспликацию противоречий необходимо выявлять *внутреннюю динамику, процессуальность* общественного бытия и сознания, т. е. обнаруживать их *историчность*; во-вторых, эксплицировать те тенденции, *ростки будущего*, которые постепенно *вызревают в настоящем*. Это полностью соответствует тому, как К. Маркс рассматривал свой метод. В одном из отзывов на первый том «Капитала» русский экономист Н. И. Зибер написал (и Маркс с ним полностью согласился): «Для него [Маркса], сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому... Его [«Капитала»] научная цена заключается в выяснении

тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса» (Маркс, 1960, с. 20–21). На это же обращает внимание и Г. Лукач (1990), анализируя революционную реальную политику Ленина, когда пишет, что для Ленина «диалектика и есть теория истории» (с. 117).

3. Классовый (партийный) характер социального исследования.

Синтезируя эти два исходных принципа (учение о противоречиях и историчности социального бытия), мы приходим к еще одному фундаментальному принципу марксистской диалектики – *принципу социальной ангажированности*, вовлеченности, захваченности ученого, исследующего те или иные общественные явления. В этом «субъективистском» моменте состоит *специфика* социальной науки, ее отличие от «объективистских» математических и естественных наук. В одном месте В. И. Ленин (1968) замечает: «Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы» (с. 17). Обществознание, и тем более *исследование конкретного человека в конкретной ситуации*, не может не быть оценочным, личностно и социально ориентированным, ибо оно всегда так или иначе, сознательно или бессознательно, выражает *интересы* конкретных социальных групп, в которые включен или которым симпатизирует *исследователь как конкретный живой человек*.

У Ленина этот принцип был радикально *конкретно-историчным*, и связан не просто с констатацией очевидного факта социальной обусловленности исследования (даже, например, якобы «объективной» социологической или экономической статистики), а с анализом *конкретных классовых интересов и соответствующей им классовой борьбе*, прежде всего, конечно же, в России. Поэтому никакой «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на *классовой борьбе*. Так или иначе, но *вся казенная и либеральная наука защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать *беспристрастной науки* в обществе наемного рабства – такая же... наивность, как ожидать *беспристрастия фабрикантов* в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» (Ленин, 1973а, с. 40).

У Ленина такая *политизация принципа социальной обусловленности знания* выступает в виде *тотальной диверсификации классового подхода*, сквозь оптику которого рассматриваются *любые явления*. Если Маркс и Энгельс говорили о *социальной обусловленности содержания нашего сознания* условиями нашего собственного существования («общественное бытие определяет общественное сознание»), что позже дало импульс развитию такой науки, как *социология знания*, то Ленин, безусловно, «перегнул палку», и вместо *социальной детерминации содержания сознания* сделал ставку на *классовый подход*.

Дело в том, что у него имеет место не только радикальная *политизация социальной философии*, но даже и онтология с гносеологией. В рамках истории философии классовая борьба, с точки зрения Ленина, обнаруживает себя в борьбе идеализма и материализма. Так, в 1894 г. 24-летний Ильич писал: «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обяывая при всякой оценке события, прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин, 1958, с. 419). В 1909 г. он повторяет: «... за гносеологической

схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденцию и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» (Ленин, 1961, с. 380). Стало быть, классовый интерес, по Ленину, *органически включен в философию*¹. «Ленин понимал, что *материалистическая диалектика* (и ее эпистемология) включает в себя *самодвижение* в вещах [*self-movement in things*], явлениях, процессах, а также *сознательную человеческую деятельность по преобразованию общества*. Стало быть, это не вопрос исторической диалектики идей, а скорее самодвижение и самотворение [*self-creation*] истории посредством социальных классов и индивидов» (Krausz, 2015, p. 355).

Таковы, на наш взгляд, исходные принципы ленинской социальной диалектики, применение которых мы обнаруживаем во всей его и теоретической, и практической деятельности.

Элементы ленинской диалектики социальных процессов

В структуре ленинского диалектического метода можно выделить следующие *необходимые* (конечно, не все, а только, на наш взгляд, наиболее важные, имеющие конститутивное значение) «моменты», без которых *диалектики (как метода) не существует*, но которые по отдельности *могут существовать и вне диалектики*, будучи самостоятельными методами или же моментами какого-либо другого метода исследования (Розенталь, 1963, с. 43–54).

1. Принцип историчности. Поскольку согласно и Марксу, и Ленину материалистическая диалектика в самой своей глубине представляет собой *науку истории* (Маркс, Энгельс, 1955, с. 16), первым в нашем анализе должен выступить *принцип историчности*, согласно которому *любое явление* исследуется как *развивающееся*, т. е. как нечто:

1) имеющее свое *прошлое*, вырастающее из синтеза внешних и внутренних противоречий этого прошлого;

2) налично существующее, фактическое (*настоящее*);

3) и уже за счет действия собственных противоречий выходящее за свои пределы и порождающее возможность некоторого будущего состояния (*будущее*).

В.И. Ленин (1970с) относительно этого замечает: необходимо «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (с. 67).

Поскольку мы поставили своей целью эксплицировать базовые элементы *социальной диалектики* Ленина, то в свете вышеизложенных идей можно сфор-

¹ Однако если уже ленинизм представлял собой радикально политизированный марксизм, всеми своими сторонами связанный с классовым подходом, то сталинизм, в свою очередь, гипертрофировал ленинский классовый подход до абсурда, когда, например, стали писать о *классовой математике, классовой садоводстве, материалистической диалектике кузнечного дела, подчинении интимной жизни классовой, революционно-пролетарской целесообразности*. И все это связывалось с «безошибочным классовым чутьем».

мулировать следующее определение социальной историчности (в ее отличии от историчности природной).

Социальная историчность – это единый, цельный темпоральный когерентный процесс развития, в ходе которого каждое новое поколение людей:

- застаёт некоторый *первичный* для себя социальный природно-предметный мир, созданный предшествующими поколениями;
- встраивается в материальные и идеальные структуры этого мира через его *практическое* и *теоретическое* освоение;
- затем под влиянием внутренних и внешних противоречий *изменяет* этот наличный мир (*настоящее*) посредством общественной преобразующей (революционной) деятельности;
- созидает *новое*, в котором сохраняются «следы» предшествующих ему состояний бытия (*прошлое*), т. е. *созидает* ранее не существовавшие отношения, структуры, предметы, свойства, формы деятельности, идеи, потребности, ситуации (*будущее*);
- передает этот *новый* мир следующему поколению, для которого преобразованный универсум снова выступит в качестве *первичной* естественно-исторической предзаданности.

2. Принцип конкретности. В силу того, что марксистская социальная диалектика (в отличие, например, от гегелевской) имеет дело не с абстрактными, а с *конкретными* социально-историческими явлениями, то «*основным принципом диалектики*» (Ильенков, 2015, с. 201) становится *принцип конкретного историзма*. Согласно этому принципу, социальные явления надо исследовать не с точки зрения неких «общих» законов, не «как таковые», а именно как *конкретные*, существующие эмпирически здесь и сейчас. И только затем можно абстрагироваться от конкретного и подняться до уровня абстрактного, например, до категории *общественной формации*. Причем это исследование, идущее *от конкретного к абстрактному*, всегда осуществляется в *диалектическом единстве* с противоположным по направленности методом – методом *восхождения от абстрактного к конкретному*. В рамках *подлинной* диалектики их *нельзя мыслить и применять в каком-то отрыве друг от друга*, как это зачастую делается.

Метод конкретного историзма – это метод движения мысли исследователя вслед за функционированием и развитием самого предмета исследования (социального явления), посредством чего схватывается место этого явления в целостном общественном организме и его историчность. В работах Маркса, и особенно Ленина (в применении к конкретным российским условиям), этот принцип означал движение исследования от анализа *повседневности (единичного)* через осмысление ее в структурах конкретной экономической, социальной, политической, культурной ситуации в той или иной стране (*особенное*) к включению ее в контекст господствующего способа производства и общественной формации (*всеобщее*).

Для наглядности применения этой конкретно-исторической диалектики единичного, особенного и всеобщего приведем следующий пример. Скажем, я каждое утро пью чай *Dilmah*. Это *явление*, феноменальная сфера бытия, поверхность бытия, по ту сторону которой находится *другая, более глубокая реальность*, позволяющая этому повседневному феномену *быть*: за моим чаепитием «*скрывается*» международная торговля, посредством которой чай, выращенный

на Цейлоне или в Индии, расфасовывается в Англии, оттуда экспортируется в Россию и попадает именно в тот магазин, куда я обычно прихожу за ним. В свою очередь, международная торговля оказывается *фундированной* в тотальном развитии товарного производства, которое детерминируется капиталистическим способом производства. Не будь этих *исторически* сформировавшихся бытийных условий и практик, ни о каком феномене *повседневного* чаепития не могло бы быть речи.

Таким образом, историчность моего чаепития (*явление*) становится понятной только тогда, когда эксплицируется *историчность* самой возможности этого феномена – стоящие по ту сторону многообразные формы человеческой деятельности (*сущность*). При этом цепочку исторических отсыланий можно выявлять до бесконечности: историчность самого процесса чаепития, даже самого чая как растения; историчность рынка, посредством которого он попал ко мне; историчность капитализма, породившего этот международный рынок; историчность денег, которые я трачу на покупку чая; историчность чайных чашек, фарфора, из которых они изготовлены, ложек, чайников, сахара, газовых плит и даже водопровода, доставляющего в мою квартиру воду для чая, мытья чашки и ложки.

Но и мое *личное* чаепитие также проходит ряд исторических («онтогенетических») ступеней, которые невозможно игнорировать при исследовании *этого конкретного* феномена. Когда-то чай для меня заваривали мама и бабушка, затем я научился делать это самостоятельно (и это тоже оказывается имеющим свою собственную историю как некий *период обучения*), после моей женитьбы этим станет заниматься сначала моя супруга, а потом дети и внуки.

Стало быть, здесь, помимо всего прочего, выявляется также *диалектика сущности и явления*, схватывается и *историчность явления*, и *погруженность его в конкретный контекст тотальности*. Более того, только реконструируя эту имманентную взаимосвязь конкретного (*моего чаепития*), особенного (включенность в контексты российской действительности) и всеобщего (включенность в систему мирового капиталистического рынка), мы достигаем понимания этого конкретного, т.е. «постигаем специфическую логику специфического предмета» (Маркс, 1955а, с. 325). В 1920 г. Ленин (1977b) дал весьма экспрессивное, «экзистенциальное» определение центрального методологического момента конкретности и в науке, и в политике: «самая суть, в чем *живая душа* марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» (с. 136).

Если углубляться еще и в социально-классовый анализ данного феномена, то, безусловно, можно было бы выявить классовые различия между мною (потребляющим дешевый чай) и представителем высшего общества (для которого то, что я пью, – помой). Само собой разумеется, что подобная ситуация, с одной стороны, фундируется в социальной структуре конкретного общества, национальных культурных практиках и соответствующем способе производства; с другой – она конституирует и соответствующие эмоциональные отношения человека к миру: у одного как существа забытого, подавленного, обесчеловеченного, у другого как существа «высшего». Но в обоих случаях существа *отчужденного*.

Именно такого рода *экзистенциально наполненный классовый анализ* мы находим и у основоположников (см. «Положение рабочего класса в Англии» молодого Ф. Энгельса и «Капитал» К. Маркса), и у В.И. Ленина. Более того, та-

кая экзистенциальная составляющая марксистского анализа как раз и связывает теорию с революционной практикой. Как справедливо пишет Т. Краус в ответ на заявления о «жестко линейной» концепции истории в марксизме в целом и у Ленина в частности: «В социальной теории Ленина *история открывает множество возможностей*. Поэтому искусство революционной политики заключается в осознании [*recognizing*] и поиске пути среди *альтернатив*. Такой выбор «с точки зрения пролетариата», конечно, не всегда означает выбор наиболее радикального революционного действия, ибо отправной точкой может быть только то, что *конкретно возможно* [*specifically possible*]. По мысли Ленина, предпосылка для определения того, что *возможно*, а что нет, заключается в историческом, *конкретном* анализе политических отношений и соответствующих классовых отношений» (Krausz, 2015, p. 365).

3. Принцип единства теории и практики. Все вышесказанное означает, что с точки зрения ленинской диалектики *необходимо исследовать констелляцию конкретных исторически сложившихся социальных (прежде всего классовых) условий, процессов и явлений*. А поскольку марксизм – это «не догма, а *руководство к действию*» (Ленин, 1977а, с. 55), то в социальной диалектике Ленина огромное значение приобретает *анализ ситуации*, ведущий к соответствующей *практике*. Именно *активистская* позиция классического марксизма и ленинизма (и всех *подлинно ленинистских форм марксизма XX–XXI вв.*), изначально фундированная в *единстве теории и практики*, радикально отличает марксизм от всех иных *философских концепций*. Более того, в свое время Л. Альтюссер, опираясь на Ленина и Мао, заявил, что марксистская философия – это, по сути, уже и не наука, и не теория *теоретической практики*, как он считал ранее, а «в *последней инстанции – классовая борьба в теории*» (Althusser, 1976, p. 37). Примерно в этом же смысле высказывался и Б. Брехт, когда говорил, что в *бурные времена письменные столы философов превращаются в баррикады*.

Выше мы уже говорили о радикализации классового подхода в ленинизме. В *политическом* аспекте эта радикализация была характерна для всех форм большевизма, но у Ленина она приобрела всепронизывающий характер (Русакова, 1995). Например, синтез теории и практики удивительным образом обнаруживает себя уже в самых ранних работах Ленина в том, что сугубо *технические* вопросы, скажем, по поводу используемых крестьянами видов плугов, он сначала превращает в вопросы *социальные*, а затем в *классовые*, делая соответствующие *практические* выводы для классовой борьбы. Поэтому А. Негри совершенно справедливо заключает, что «определение диалектики как производства является высшей точкой ленинского анализа. В заключение подчеркнем удивительную оригинальность этого прочтения Гегеля. Она и свежа, и тепла, и глубина ее несравненна, особенно когда... Ленин использует парадоксальный практический перевод диалектики, позволяющий ему (а позднее Мао) превратить ее в оружие пролетариата» (Negri, 2014, p. 177). И. Херманн (ученик Г. Лукача) пишет, что «в своем мышлении, в своей теоретической и политической деятельности Ленин, по всей видимости, под влиянием Гегеля концентрировался на целом, на тотальности, соединив идею и практику изменения сознания и мира» (Hermann, 1978, p. 182).

4. Принцип тотальности. Следующий необходимый элемент материалистической диалектики связан с необходимостью рассматривать конкретные

социальные явления как внутренне взаимосвязанные, с одной стороны, со всеми иными социальными процессами, институтами и т. д., с другой – в их взаимосвязи с природой. В этом смысле любое социальное явление оказывается и *структурно-функциональным*, и *конститутивным*, и *генетическим* (порожденным другими явлениями и порождающим другие явления) *элементом когерентного целого – тотальности*. Поэтому все социальные явления должны исследоваться как *взаимодействующие внутри целостности*. Отсюда следуют два взаимосвязанных принципа:

– *принцип тотальной взаимосвязи (взаимодействия)*: любое общественное явление рассматривается как: 1) результат взаимодействия; 2) система, состоящая из взаимодействующих элементов; 3) одна из сторон взаимодействия с другими явлениями; 4) динамическая причина возникновения других взаимодействий и явлений;

– *принцип тотальности (целостности)* – принцип материалистической диалектики, согласно которому всякое общественное явление рассматривается как структурно-функциональная часть органического целого, социальной системы, общества.

Целостность, тотальность (*Totalität, Gesamtheit, Integrität*) – это, с одной стороны, *внутренняя собранность, структурно-функциональное органическое единство всех элементов какой-либо системы* (предмета, процесса, личности, состояния), при котором каждая часть сохраняет свою специфику, а их целокупность получает новые дополнительные качества, не сводимые к простой сумме качеств элементов; с другой стороны, *внешняя всеохватность, полнота и каузально-телеологическая взаимосвязанность всех элементов системы*, внутреннее единство человеческого, социального мира.

Именно в этом смысле Г. Лукач (2003) и выдвигает свои *методологические* идеи о фундаментальном значении категории *тотальности* для познания. Маркс, пишет он, разработал «совершенно новую науку [науку истории]», положив в ее основание «точку зрения тотальности» (с. 128). «Точка зрения тотальности... определяет не только предмет, но также субъекта познания. Буржуазная наука рассматривает явления общества – сознательно или бессознательно, наивно или изоциренно – всегда с точки зрения индивида. А с точки зрения индивида нельзя разглядеть никакой тотальности, в лучшем случае можно увидеть аспекты отдельной области, а по большей части – лишь нечто фрагментарное: разрозненные «факты» или абстрактные частные законы. Тотальность предмета может быть положена лишь тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью. Когда полагающий субъект, чтобы мыслить самого себя, вынужден мыслить предмет как тотальность» (с. 128). «Стало быть, конкретно изучать общество – это значит соотносываться с обществом как целым. Ибо только при таком соотношении конкретное сознание, которое имеют люди относительно своего существования, проявляется во всех своих существенных определениях» (с. 128).

Г. Маркузе (2000) совершенно справедливо связывает принцип тотальности в марксистской диалектике с принципом конкретного историзма, когда пишет, что «диалектический метод по самой своей природе становится методом историческим» (с. 400). Дело в том, что любые явления, факты, вещи всегда включены, «встроены» в более обширные структуры и системы, всегда оказываются некоторыми определенными *частями* некоторого *целого*, которое, в свою очередь,

оказывается частью более обширного конкретно-исторического контекста (как это мы продемонстрировали в анализе чаепития). «Любой факт, – продолжает Маркузе, – можно подвергнуть диалектическому анализу... Однако любой такой анализ приводит к рассмотрению структуры общественно-исторического процесса и показывает, что этот процесс является определяющим для тех фактов, которые анализируются. Диалектика воспринимает факты как элементы определенной исторической тотальности, от которой они не могут быть изолированы» (с. 400).

В январе 1921 г. В.И. Ленин в статье «Еще раз о профсоюзах», критически развивая мысль Н.И. Бухарина о «вреде односторонности», которую тот проиллюстрировал на примере, что стакан – это и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, пишет:

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно неважно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т.п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т.д. <...>.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (Ленин, 1970а, с. 289–290).

Г. Маркузе (2000), комментируя это рассуждение, пишет, что, ссылаясь на пример со стаканом воды, Ленин подчеркивает, что «вся человеческая практика должна войти в «определение» объекта»; следовательно, независимая объективность стакана с водой исчезает. «Любой факт можно подвергнуть диалектическому анализу только в той мере, в какой этот факт испытывает на себе влияние антагонизмов социального процесса» (с. 400).

М. Бри (2017) относительно этой дискуссии о профсоюзах и нового в социальной диалектике Ленина пишет: «В одном из центральных пунктов Ленин раз-

вивает позицию, идущую принципиально дальше его прочтения Гегеля в 1914-м. Он приходит к новому пониманию противоречий. В 1914-м и в последующие годы на переднем плане находился прежде всего *антагонистический* характер противоречий: то, что выигрывает одна сторона, другая неизбежным образом должна проиграть. Здесь мы имеем дело с «или-или». Но в дискуссии о профсоюзах Ленин вводит такой тип противоречий, при котором положительно развиваются обе противоположные стороны, взаимно друг друга усиливают и друг другу способствуют. Это можно также назвать «солидарным опосредованием противоречий», в отличие от их антагонистического развертывания» (с. 113).

Более того, надо учитывать и то, что для Ленина история была «не абстрактным целым [whole], не объектом изучения, а инструментом, с помощью которого можно обнаружить те элементы и тенденции, которые необходимо продолжить и изменить в разгар «коллапса»... Он пришел к такому пониманию тотальности, согласно которому *целое* состоит из различных противоречий, раскрывая которые, можно обнаружить элементы, непрерывные и прерывистые процессы [*continuous and discontinuous elements*] в движении истории. При таком понимании «социальная революция», то есть «качественный скачок» [*“qualitative leap”*], становится органичной и неотъемлемой частью истории «современного общества», что Ленин считал одним из важнейших выводов марксизма» (Krausz, 2015, p. 355–356).

5. Принцип отражения/репрезентации. Следующий необходимый принцип, вытекающий из самого понятия взаимодействия между социальными явлениями внутри тотальности, предполагает рассматривать социальное явление как открытую (отражающую) систему, т. е. как нечто, определенным образом *реагирующее* на воздействие другого явления и (через соответствующие изменения тех или иных свойств или состояний) репрезентирующее (воспроизводящее) особенности воздействующего явления в своих морфологических или внутренних структурах.

Помимо всего прочего, в марксистской (в том числе ленинской) диалектике социального бытия этот принцип имеет особый, специфический смысл: *сознание отражает, репрезентирует бытие. Онтологически* это положение означает, что, *в конечном счете*, мы большей частью мыслим, думаем о том, что нас окружает, в каких условиях мы живем, что мы делаем, с кем вступаем в отношения, *какими* вещами пользуемся и т. д. Иными словами, *предметом* нашего сознания, так или иначе, всегда оказывается *наше собственное существование, бытие*. Именно это имеют в виду К. Маркс и Ф. Энгельс (1955), когда пишут: «Сознание [*das Bewusstsein*] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [*das bewusste Sein*], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» (с. 25).

Это *онтологический* аспект диалектического принципа отражения в сфере социального бытия. *Методологический* аспект данного принципа можно представить в виде трех взаимосвязанных «правил»:

1) При исследовании того или иного социального феномена надо всегда выявлять описанный выше общий механизм детерминации содержания сознания условиями существования (тут можно вспомнить знаменитую «пятичленку» Г.В. Плеханова, описывающую цепочку детерминаций от степени развития производительных сил до эстетического мировосприятия).

2) При реализации этого правила надо придерживаться *материалистической* линии: «Мышление определяется бытием. Это значит, что одно дело – действительные отношения людей, существующие фактически в материальной действительности, другое дело – сознание о них. Это сознание не является первоначальным, но обусловлено, определяется действительно существующим строем общества и всеми материальными условиями, в которых живут люди. Надо уметь изучать именно действительные общественные отношения, как они существуют на самом деле, не смешивая их с тем, что люди о них думают, с представлениями людей» (Адоратский, 1961, с. 444). Стало быть, надо методологически разграничивать два онтологических модуса *действительного жизненного процесса* (Маркс, Энгельс, 1955, с. 25, 36): *действительно существующие отношения* и *то, что о них думают люди*.

3) Наконец, в рамках механизмов репрезентации необходимо учитывать и диалектику сущности, и явления, т. е. применять принцип материалистической диалектики, в рамках которого один и тот же объект рассматривается в качестве и явления, и сущности: за всяким явлением социальной жизни стоит сущность, а именно та или иная форма *социально-исторической практики, конкретная человеческая деятельность*, результатом осуществления которой и оказывается данное конкретное социальное явление. Потому что «общественная жизнь является по существу *практической*» (Маркс, 1955b, с. 3).

6. Механизм творческого («опережающего») сознания. Поскольку речь идет о диалектике, то уже сама фиксация процесса репрезентации, отражения общественного бытия в содержании и структурах общественного сознания с необходимостью предполагает и *противоположный* процесс *влияния общественного сознания на содержание и структуры общественного бытия*. Эти два процесса должны всегда рассматриваться в своем *единстве*, о котором говорил Ленин, фиксируя «ядро диалектики». К сожалению, многие вульгаризаторы марксизма и ленинизма догматически и односторонне (т. е. *метафизически*) ориентировались только на принцип отражения, на ту онтологическую и гносеологическую концепцию сознания, которая была представлена Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», и сводилась к пассивному механизму «фотографирования». Сталинская версия ленинизма сделала ставку именно на эту пассивность не только в философии, но и в политической практике, за что его («марксизм-ленинизм») критиковал А. Паннекук, который прямо связывал теорию отражения и сталинскую практику партийного руководства рабочим классом и крестьянством, как будто бы сами рабочие – это дети или недоумки, которых надо вести к социализму за руку.

Однако если мы возьмем «Философские тетради», и тем более *конкретно-исторические и социологические* работы, то увидим, что в них Ленин, *напротив*, учитывая роль собственно репрезентативного (пассивного) отражения, *на первое место* выводит диалектически необходимый *противоположный* процесс – *активное созидание мира сознанием*. Ленин (1973b) прямо пишет: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (с. 194). Человеческое сознание – это всегда рефлексивно-интенциональный, отражающе-предвосхищающий, пассивно-активный психический акт, внутреннее содержание момента активности которого не сводится к абстрактному «*обратному влиянию сознания на бытие*».

Достаточно обратиться к *повседневной* жизни, чтобы убедиться в этом: да, безусловно, *содержание* нашего сознания *определяется*, «*наполняется*» тем, как, с кем, где, среди каких вещей и в каких отношениях мы живем в этом мире. Но, с другой стороны, мы, осмысляя («отражая») это существование, размышляя над тем, *как мы живем*, скажем, находим это существование *неудовлетворительным* и в соответствии со своими представлениями («идеалами») о *лучшей* форме бытия *изменяем, преобразуем* свою наличную повседневную жизнь (например, изменяем наши отношения с коллегами, заводим кота, женимся или делаем ремонт).

Собственно говоря, здесь речь идет и о том, что П. К. Анохин назвал *опережающим, превосходящим сознанием* (в отличие от сознания *отстающего, репрезентативного*), и о том, что именуется *воображением, фантазией*, и что будучи связанным с научным исследованием называется *прогнозированием*. Сегодня зачастую потешаются над понятием *научный социализм*, которое в свое время ввел Ф. Энгельс. Но именно в этом понятии (которое обозначает только то, что видение будущего, его *прогноз*, а не «предсказание», формируется не на основе наших фантазий о желаемом лучшем общественном устройстве, а на выявлении путем *научного* анализа тех тенденций, которые содержатся в противоречивом настоящем и которые указывают возможные альтернативы развития общества) как раз и схватывается то, что в социологических и политических работах и практике Ленина получило свое непосредственное воплощение.

7. Принцип «сосуществования» – принцип марксистской диалектики, согласно которому при возникновении более развитых и сложных форм бытия и сознания в них *снимаются* менее развитые формы и существуют в них в качестве «моментов», элементов новой сложной органической целостности, но при этом сами эти менее сложные и развитые формы *не исчезают* после своего включения/снятия в более развитые системы.

На этот момент ленинской диалектики обратил внимание японский логик и философ-марксист Мита (Амакасу) Секисуке. Так, он пишет: «Обсуждая «монополию», Ленин говорит, что *свободная конкуренция* является фундаментальной характеристикой товарного производства и капитализма, и что эта фундаментальная характеристика товарного производства сводится на нет, становясь ее противоположностью в *монополии*. Но при этом Ленин пишет, что *монополия возникает из свободной конкуренции*, более того, *монополия существует наряду со свободной конкуренцией*, на вершине свободной конкуренции, и по этой причине противоречия эпохи империализма являются еще более сложными и резкими. Стало быть, говоря о монополии, это не означает, что *существует только монополия*. Она *существует наряду со свободной конкуренцией на основе свободной конкуренции*» (Mita, 1977).

Принцип одновременного сосуществования систем различного структурного, технического, социально-исторического уровня впервые был использован Лениным в одной из его самых ранних (написана в 1893 г., опубликована в 1937 г.) работ «По поводу так называемого вопроса о рынках», где он, критикуя народников, показывает, что в российской реальности имеет место *наслоение* различных способов производства и хозяйственных укладов друг на друга, т. е. *многоукладность*. В работе 1894 г. «Что такое «друзья народа»...?» Ленин выделяет феномен многоукладности («пережитков» феодализма и холопства

в системе нарождающегося капитализма) как специфическую черту, историческую особенность российского капитализма, а в опубликованной в 1899 г. книге «Развитие капитализма в России» «его анализ сочетания барщины и капиталистической экономики после реформ 1861 г. представляет собой полностью зрелую часть работы» (Krausz, 2015, p. 84).

Подобную же *социальную диалектику сосуществования* Ленин применял, например, для анализа культурного развития широких народных масс в 1920-е гг., обосновывая необходимость проведения *культурной революции* и элиминации «пережитков прошлого». Самое интересное состояло в том, что Ленин, по сути, выступил тогда *против пролетарских авангардистов* в защиту классического культурного наследия. «В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо... Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черной работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» (Ленин, 1970d, с. 363–364)². И еще: «... нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошоенечко на ус» (Ленин, 1970b, с. 389)³.

Собственно говоря, у Ленина речь идет о достаточно обыденных вещах, но они зачастую упускаются при использовании диалектического механизма *снятия* (*die Aufhebung, das Aufheben*), который фиксирует момент *преемственности* в процессе *развития* от низшего к высшему. Так, в вульгарном марксизме эта преемственность трактуется в том смысле, что в более высокой форме предшествующие формы низшего порядка *исчезают*. Например, при появлении диалектической логики в ней *снимается* (и ею *поглощается*) логика формальная. На самом деле, отмечает Мита Секисуке, такая позиция больше характерна для Гегеля и Сартра. У Маркса же, Энгельса и Ленина формальная логика (аналитический метод) *сосуществует* наряду с логикой диалектической (Mita, 1977).

² В свете этих положений становится понятно, что «культурные революции» в Китае (при Мао) и Кампучии (при Пол Поте) никакого отношения ни к ленинизму, ни к марксизму не имеют, а только *дискредитируют* их.

³ Думается, что в эпоху нынешнего роста на Западе разного рода ЛГБТ- и *queer*-движений (особенно в среде «юных литераторов» и левых) Ленин, безусловно, подобных слов бы не сказал. Широко известно его негативное отношение к идеям авангардистов, сексуального раскрепощения, радикальным (на *тот момент*) феминистским проектам А. Коллонтай и К. Цеткин, к концепциям «секса как стакана воды», «половым заповедям революционного пролетариата» и «обобществлению жен». В 1990 г. П. Готфрид опубликовал книгу *The strange death of Marxism* («Странная смерть марксизма»); сейчас бы он, наверное, переименовал ее в *The queer death of Marxism*. Вообще вопрос о соотношении марксизма и различных *queer*-движений, именующих себя «марксистскими», – тема отдельного исследования.

В середине XX в. этот ленинский принцип эвристически применили, например, В. Райх, Э. Фромм и Э. Блох (в своей концепции *неодновременности*) для анализа причин широкой поддержки нацистов в Германии и их победы на парламентских выборах 1932 г.

В этом контексте постленинских исследований следует заметить, что идея Ленина о необходимости «привнесения» социалистических идей в рабочий класс «извне» связана как раз с укорененностью российских рабочих конца XIX – начала XX вв. в деревенской, «мелкобуржуазной» жизни, т. е. определена социальной и духовно-эмоциональной *неодновременностью* – противоречием в их повседневности между городской жизнью пролетария и сохранившейся тесной связью с жизнью сельской, с общинным крестьянским укладом. Поэтому Октябрьская революция оказалась *рабоче-крестьянской* не только по классовому составу революционного субъекта, но и в силу социальной диалектики *неодновременности* (связь с деревней) и *одновременности* (городской быт и фабричный труд) в жизни российского пролетариата.

Ленинская диалектика разрушения/созидания: взгляд Николая Бухарина

Социально-историческая диалектика Маркса была, по сути дела, *негативной, разрушительной и ограниченной* в плане своего конкретно-исторического содержания. В последнем случае речь идет не о формально-методологических процедурах диалектической логики, а об историческом материале, который исследуется посредством диалектического инструментария. Дело в том, что *содержательно* анализ Маркса *заканчивается* теоретическим обоснованием необходимости диктатуры пролетариата. Ленин же работает уже с совсем другим «материалом», не только *теоретически*, но и *практически*.

Н. И. Бухарин (1988) следующим образом эксплицирует в 1924 г. то новое, что привнес Ленин в материалистическую диалектику:

1) Если мы будем, рассуждает он, под марксизмом понимать *систему методов исследования общественных явлений*, «тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом» (с. 61).

2) Если же под марксизмом мы будем понимать *определенную сумму идей* относительно *конкретных* исторических общественных явлений, то в таком случае «совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма» (с. 61).

Отсюда и то *новое*, что, с точки зрения Н. И. Бухарина (1988), дал марксизму Ленин: «диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то... стал необходим другой аспект, как практический, так и теоретический. Ведь нам надо, с одной стороны, разрушить, а с другой – *построить*. Мы должны

были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали *синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом*... В.И. Ленин этот синтез дал... Совершенно ясно, что *это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм как теоретическая система в дальнейшем развитии марксизма*» (с. 63).

«Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, как *синтез тройкого порядка*. Во-первых, это есть возврат к марксовской эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, т. е. это – синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений; сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это во-первых. Во-вторых, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса*, и, в-третьих, это есть синтез *разрушительной и созидательной* работы рабочего класса, причем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным» (Бухарин, 1988, с. 62).

Общее определение ленинской социальной диалектики

Итак, с точки зрения *Ленина* существует только конкретно-исторический социальный мир (тотальность), обладающий имманентной логикой развития, понять которую можно, только исследовав *конкретность* этого мира в его противоречиях и динамике (то, что Ленин называет каждый раз *ситуацией*). Поэтому *объективная* социальная диалектика – это *имманентная динамика самого общества*, его *развитие* из внутренних противоречий, которые возникают не логическим, а *историческим* путем.

Как научный метод материалистическая социальная диалектика – это *способ и инструментарий исследования* материальных (бытие) и идеальных (сознание) социальных явлений, посредством которого в этих явлениях:

– путем эмпирического анализа выявляются *реально (онтологически) существующие внутренние и внешние противоречия*, синтез которых приводит к *изменению, развитию* этого объекта как в количественном (*эволюция*), так и в качественном (*революция*) отношениях;

– через анализ борьбы этих противоречий и противоположностей (прежде всего *классовых*) объясняется *историческая динамика* самих социальных явлений, т. е. их возникновение, существование, функционирование и гибель (переход в иное состояние);

– «внутри» *перехода от существования к гибели* этот метод позволяет увидеть те ростки, моменты и тенденции, которые изнутри разрушают нынешнее состояние и ведут к возникновению *нового* (например, ростки капитализма в «теле» европейского феодализма в XIV–XV вв. или современные формы некапиталистических, нетоварных отношений в структуре глобального капитализма, которые приведут к посткапитализму);

– сам процесс исследования внутренних и внешних противоречий некоего социального явления представляет собой *конкретный анализ конкрет-*

ной ситуации, а не применение каких-то застывших, абстрактных «матриц» и «концептов», пригодных «на все случаи жизни»;

– все это позволяет делать реалистические научно обоснованные прогнозы (а не «предвидения» и «озарения») относительно альтернатив развертывания как ближайшего, так и самого отдаленного будущего;

– наконец, посредством этого, и научного, и социально-классового анализа, а также научно обоснованного прогнозирования можно осуществлять соответствующую социальную практику: как разрушительную (по отношению к капитализму), так и созидательную.

Это то, что Э.О. Райт назвал в марксизме (понимаемом как *эмансипативная наука*) *социально-критической освободительной функцией*. Задачами этой науки, говорил он своим студентам, являются:

«1) осуществление [*elaborating*] систематической диагностики и критики существующего мира;

2) прогнозирование [*envisioning*] жизнеспособных альтернатив;

3) разработка [*developing*] теории трансформации. Первая из этих задач говорит нам, *почему мы хотим покинуть мир, в котором мы живем*; вторая говорит нам, *куда мы намереваемся идти*; и третья говорит нам, *как добраться отсюда туда*» (Wright, 2008, p. 2).

В любом случае ленинская мысль движется в русле дальнейшего развития 11-го тезиса Маркса о Фейербахе. Но Ленин радикализует положение основоположника в субъектно-активистском ключе, диалектически синтезируя теорию и практику. *Единство «конкретного анализа конкретной ситуации», осуществленного на основе всех вышеперечисленных принципов (теория), и вытекающего из него «руководства к действию», реализуемого активным субъектом и воплощаемого в революционном разрушительно-созидательном преобразовании социальных структур (практика), и есть, собственно, целостная ленинская диалектика социальных процессов.*

В современных условиях для многих стран и даже целых регионов мира в Африке, Азии и Латинской Америке, где еще существует доиндустриальное общество, а также бесчеловечные условия, порожденные постколониальным капитализмом, именно ленинизм *оказывается наиболее релевантной формой революционной марксистской теории и практики*. И именно ленинизм (с соответствующей национальной спецификой) в ближайшем будущем будет для этих обществ *актуальной разрушительно-созидательной перспективой*.

И в этом отношении переоценить значение ленинского марксизма (речь идет именно о *марксизме Ленина*, а не о «марксизме-ленинизме») невозможно. И связано это значение даже не столько с ленинским развитием и обогащением теории и методологии социальной диалектики марксизма, сколько с *практическим и политическим возвращением в марксистскую науку человеческой инициативы, опережающего сознания* (в противовес сознанию «отражающему», «фотографирующему», пассивно-рефлексивному), действительного живого *активного субъекта*, человека (в лице пролетариата) как *творца истории*.

Именно на этом построена вся деятельность Ленина, который «вновь вернул марксизму его революционную жизнь... благодаря возврату к его сути... исторической инициативы... В борьбе со всевозможными формами догматиз-

ма, ведущего к историческому фатализму, экономизму, стихийности... Всем толкованиям марксизма, которые под предлогом объективности смешивают «научную» историю с той историей, где будущее начертано заранее и где человек отсутствует, *Ленин противопоставлял подлинно марксистское понимание исторической перспективы*» (Гароди, 1994, с. 6).

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно, пользуясь диалектикой общего, особенного и единичного, сделать следующие выводы.

Во-первых, ленинизм (как и марксизм в целом) представляет собой уникальное явление в мировой истории, в рамках которого диалектически, органически и пластично синтезируются «теория» и «практика». Со стороны «теории» это – *мировоззрение* (как система представлений о мире, человеке, месте человека в этом мире и о том, что должен делать человек в этом мире), *наука* и *социально-ангажированный (классовый) анализ*. Со стороны «практики» – *политическая деятельность* (партия, программа, тактика и стратегия, политическое участие, вовлеченность), *разрушительная практика* по отношению к капитализму-империализму, *созидательная практика*, направленная на построение некапиталистического⁴ общества.

Во-вторых, ленинское понимание социальной диалектики ориентировано (помимо всего прочего) на *целостное, конкретно-историческое и конкретно-классовое видение ситуации*. Фундаментальное в ленинской диалектике – *учитывать постоянно меняющуюся и развивающуюся констелляцию конкретных условий* (в которых одновременно сосуществуют «моменты» из разных исторических эпох), т. е. видеть всеобщую связь явлений, диалектику сущности и явления, включенность *конкретного* объекта/процесса во внутренне противоречивое целое, а также *историчность этого целого*; не только анализ того, как возникла и развивалась конкретная социальная реальность, но и *какова динамическая перспектива ее дальнейшего развития*.

И вот в этом пункте мы подходим к самому важному в ленинской версии марксистской диалектики. Это не только «*точка зрения тотальности*», не только *конкретно-исторический анализ конкретной ситуации*, а в первую очередь *возвращение инициативного революционного субъекта в социально-историческую практику*. По сути дела, в противоположность деятелям II Интернационала, считавшим грядущую социалистическую революцию само собой «автоматически» осуществляющимся в силу исторической необходимости сугубо объективным социальным процессом, Ленин в своей социально-политической диалектике вернул в марксизм *субъекта, субъектное измерение* социального бытия. Чего только стоит его знаменитый анализ субъективного фактора в революции (Ленин, 1969, с. 218–219; Ленин, 1977а, с. 69–70). Отказываясь от «автоматизма» и фатализма вождей II Интернационала, Ленин дал рабочему движению то, что сегодня не совсем правомерно называют *утопией, утопическим сознанием*: об-

⁴ Подчеркнем, что не-капитализм (а советское общество не было капиталистическим вообще и неким «государственным капитализмом» в частности) вовсе не означает с необходимостью социализм.

раз справедливого человеческого будущего общества, которое наступит не «само собой» в силу абстрактной «исторической необходимости», а *должно быть создано самими людьми, ибо люди и есть творцы своей собственной истории*⁵.

В-третьих, ленинская диалектика – это не просто синтез теории и практики в их «больших нарративах», она существует не только в высокой теории и на уровне государственной практики. На самом деле социальная диалектика Ленина предельно *приземлена*, она «работает» и на повседневном уровне. Любому человеку стоит поучиться у Ленина органическому, пластическому рассмотрению *любого явления сквозь призму его включенности в целостную структуру конкретных отношений и условий*. И самым простым примером такого рассмотрения, как мы видели, является ленинский анализ *стакана воды*, – анализ, над которым сегодня зачастую просто потешаются, не понимая его внутренней глубины. Умение «схватывать» целое в его развивающихся противоречиях и скрытых взаимосвязях нужно и школьнику со студентом для понимания внутренней взаимосвязи между изучаемыми предметами, и учителю с преподавателем для понимания «предметных взаимосвязей», но прежде всего государственному деятелю, ученому, организатору, директору завода, начальнику цеха, бригадиру, директору школы, классному руководителю, воспитателю в детском саду, родителям в семье и т. д.

На основе ленинской версии марксистской диалектики мы можем создавать не только научные методы и концепции, не только разрабатывать когерентные учебные планы, не только руководить государством или предприятием как *целостностью*, включенной в связи с другими целостностями (что разучились делать нынешние руководители, принимающие законы, которые не имеют никаких системных связей со всеми остальными сторонами целостности⁶), но и развивать практики «менеджмента» на самых различных уровнях – от ин-

⁵ Однако распространена и противоположная точка зрения на ленинское понимание роли масс в революции, которая впервые, наверное, была четко сформулирована бывшим другом и соратником Ильича А. Н. Потресовым, который, анализируя ленинскую книгу «Что делать?», писал, что у Ленина «революционер превращался в демиурга истории, а пролетариат... оставался в положении объекта, первосортного материала, вне рядов подлинных творцов революции» (Потресов, 1906, с. 281).

⁶ Например, проект увеличения материнского капитала. Дело, безусловно, хорошее. Но возникает вопрос: что будет с детьми, которые родятся в ближайшие 5–10 лет? Где они будут учиться, работать? Увеличивая материнский капитал, надо принимать меры по развитию, скажем, начального и среднего профессионального образования на 10–20–30 лет вперед. Надо подготавливать почву для того, чтобы через 15–20 лет были рабочие места. Надо предвидеть бум на рынке недвижимости: эти дети через 20 лет будут создавать свои собственные семьи, и им будет нужно жилье. Стало быть, надо предпринимать шаги по подготовке огромных масс воспитателей яслей и детских садов, учителей и т. д. Любое социальное явление – явление *системное*, структурно-функционально связанное со всеми другими общественными явлениями и процессами, хотя между ними, быть может, и нет непосредственной, прямой связи. Социальная диалектика Ленина *позволяет эти связи обнаруживать и выстраивать на их основе соответствующую деятельность*.

дивидуальной самоорганизации и повседневной деятельности до управления глобальными процессами.

Наконец, заметим, что именно этот теоретико-практический «ансамбль» общего, особенного и конкретно-единичного и определяет непреходящую актуальность ленинской социальной диалектики. Поэтому, как это ни странно и даже *несовременно* звучит сегодня, надо снова учиться *мыслить по-ленински*. Учиться, учиться и еще раз учиться!

Список литературы

1. Адоратский, В.В. (1961). Марксистская диалектика в произведениях Ленина. В *Избранные произведения* (с. 443–459). М.: Политиздат.
2. Бри, М. (2017). *Открыть Ленина снова*. М.: Логос.
3. Бухарин, Н. И. (1988). Ленин как марксист. В *Избранные произведения* (с. 50–85). М.: Политиздат.
4. Гароди, Р. (1994). *Марксизм XX века*. М.: Прометей.
5. Ильенков, Э.В. (2015). *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М.: Ленанд.
6. Курсанов, Г.А. (Ред.). (1973). *История марксистской диалектики. Ленинский этап*. М.: Мысль.
7. Ленин, В.И. (1958). Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве. В *Полное собрание сочинений* (Т. 1, с. 347–534). М.: Политиздат.
8. Ленин, В.И. (1961). Материализм и эмпириокритицизм. В *Полное собрание сочинений* (Т. 18, с. 7–384). М.: Политиздат.
9. Ленин, В.И. (1968). Марксизм и ревизионизм. В *Полное собрание сочинений* (Т. 17, с. 15–26). М.: Политиздат.
10. Ленин, В.И. (1969). Крах II Интернационала. В *Полное собрание сочинений* (Т. 26, с. 209–265). М.: Политиздат.
11. Ленин, В.И. (1970а). Еще раз о профсоюзах. В *Полное собрание сочинений* (Т. 42, с. 264–304). М.: Политиздат.
12. Ленин, В.И. (1970b). Лучше меньше, да лучше. В *Полное собрание сочинений* (Т. 45, с. 389–406). М.: Политиздат.
13. Ленин, В.И. (1970с). О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. В *Полное собрание сочинений* (Т. 39, с. 64–84). М.: Политиздат.
14. Ленин, В.И. (1970d). Странички из дневника. В *Полное собрание сочинений* (Т. 45, с. 363–368). М.: Политиздат.
15. Ленин, В.И. (1973а). Три источника и три составных части марксизма. В *Полное собрание сочинений* (Т. 23, с. 40–48). М.: Политиздат.
16. Ленин, В.И. (1973b). Философские тетради. В *Полное собрание сочинений* (Т. 29). М.: Политиздат.
17. Ленин, В.И. (1975). Письмо И.Ф. Арманд. 30 ноября 1916 г. В *Полное собрание сочинений* (Т. 49, с. 328–334). М.: Политиздат.
18. Ленин, В.И. (1977а). Детская болезнь «левизны» в коммунизме. В *Полное собрание сочинений* (Т. 41, с. 1–104). М.: Политиздат.
19. Ленин, В.И. (1977b). «Коммунизм». В *Полное собрание сочинений* (Т. 41,

с. 135–137). М.: Политиздат.

20. Лукач, Д. (1990). *Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей*. М.: Международные отношения.

21. Лукач, Д. (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера.

22. Маркс, К. (1955a). К критике гегелевской философии права. Введение. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 1, с. 219–368). М.: Политиздат.

23. Маркс, К. (1955b). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 1–4). М.: Политиздат.

24. Маркс, К. (1960). Послесловие ко второму изданию «Капитала». В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 23, с. 12–22). М.: Политиздат.

25. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 7–544). М.: Политиздат.

26. Маркузе, Г. (2000). *Разум и революция*. СПб.: Владимир Даль.

27. Потресов, А.Н. (1906). *Этюды о русской интеллигенции*. СПб.: Издательство О.Н. Поповой.

28. Розенталь, М.М. (1963). *Ленин и диалектика*. М.: Издательство ВПШ и АОН, 1963.

29. Русакова, О.Ф. (1995). Ленинская модель большевизма. В А.В. Гайда и К.Н. Любутин (Ред.), *Ленинизм и Россия* (с. 277–318). Екатеринбург: УрО РАН.

30. Сартр, Ж.-П. (2008). *Проблемы метода*. М.: Академический Проект.

31. Althusser, L. (1976). *Essays in self-criticism*. London: New Left Books.

32. Bergfeld, M. (2012). *Review of “Lenin” by L. Lih*. Retrieved November 25, 2020, from https://marxandphilosophy.org.uk/reviews/7732_lenin-review-by-mark-bergfeld/

33. Hermann, I. (1978). Marxizmus es totalit s. In *A gondolat hatalma* (pp. 171–192). Budapest: Sz pirodalmi Kiado.

34. Krausz, T. (2015). *Reconstructing Lenin*. New York: Monthly Review Press.

35. Mita, S. (1977). *The method of Capital*. Retrieved December 20, 2020, from: <https://www.marxists.org/subject/japan/mita/method-capital.htm>

36. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

37. Wright, E.O. (2008). *Class, state and ideology: An introduction to social science in the marxist tradition*. Wisconsin: University of Wisconsin.

References

1. Adoratskiy, V.V. (1961). Marksistskaya dialektika v proizvedeniyakh Lenina [Marxist dialectics in the works of Lenin]. In *Izbrannyye proizvedeniya* (pp. 443–459). Moscow: Politizdat.

2. Althusser, L. (1976). *Essays in self-criticism*. London: New Left Books.

3. Bergfeld, M. (2012). *Review of “Lenin” by L. Lih*. Retrieved November 25, 2020, from https://marxandphilosophy.org.uk/reviews/7732_lenin-review-by-mark-bergfeld/

4. Brie, M. (2017). *Otkryt’ Lenina snova* [Rediscovering Lenin]. Moscow: Logos.

5. Bukharin, N.I. (1988). Lenin kak marksist [Lenin as a Marxist]. In *Izbrannyye proizvedeniya* (pp. 50–85). Moscow: Politizdat.
6. Garaudy, R. (1994). *Marksizm XX veka* [Marxism in the twentieth century]. Moscow: Prometei.
7. Hermann, I. (1978). Marxizmus es totalit s. In *A gondolat hatalma* (pp. 171–192). Budapest: Sz pirodalmi Kiado.
8. Ilyenkov, E. V. (2015). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa* [Dialectics of the abstract and the concrete in Marx’s “Capital”]. Moscow: Lenand.
9. Krausz, T. (2015). *Reconstructing Lenin*. New York: Monthly Review Press.
10. Kursanov, G.A. (Ed.). (1973). *Istoriya marksistskoy dialektiki. Leninskiy etap* [History of Marxist dialectics. Lenin’s stage]. Moscow: Mysl’.
11. Lenin, V.I. (1958). Ekonomicheskoye sodержaniye narodnichestva i yego kritika v knige g. Struve [The economic content of narodism and the criticism of it in mr. Struve’s book]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 1, pp. 347–534). Moscow: Politizdat.
12. Lenin, V.I. (1961). Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and empirio-criticism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 18, pp. 7–384). Moscow: Politizdat.
13. Lenin, V.I. (1968). Marksizm i revizionizm [Marxism and revisionism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 17, pp. 15–26). Moscow: Politizdat.
14. Lenin, V.I. (1969). Krakh II Internatsionala [Collapse of the Second International]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 26, pp. 209–265). Moscow: Politizdat.
15. Lenin, V.I. (1970a). Yeshcho raz o profsoyuzakh [Once again on the trade unions]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 42, pp. 264–304). Moscow: Politizdat.
16. Lenin, V.I. (1970b). Luchshe men’she, da luchshe [Better fewer, but better]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 45, pp. 389–406). Moscow: Politizdat.
17. Lenin, V.I. (1970c). O gosudarstve. Lektsiya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. [The state: A lecture delivered at the Sverdlov University. July 11, 1919]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 39, pp. 64–84). Moscow: Politizdat.
18. Lenin, V.I. (1970d). Stranichki iz dnevnika [Pages from a diary]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 45, pp. 363–368). Moscow: Politizdat.
19. Lenin, V.I. (1973a). Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma [Three sources and three component parts of Marxism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 23, pp. 40–48). Moscow: Politizdat.
20. Lenin, V.I. (1973b). Filosofskiye tetradi [The philosophical notebooks]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 29). Moscow: Politizdat.
21. Lenin, V.I. (1975). Pis’mo I.F. Armand. 30 noyabrya 1916 g. [Letter to I.F. Armand. November 30, 1916]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 49, pp. 328–334). Moscow: Politizdat.
22. Lenin, V.I. (1977a). Detskaya bolezhn’ “levizny” v kommunizme [“Left-wing” communism: An infantile disorder]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 41, pp. 1–104). Moscow: Politizdat.
23. Lenin, V.I. (1977b). “Kommunizm” [“Communism”]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 41, pp. 135–137). Moscow: Politizdat.
24. Luk cs, D. (1990). *Lenin. Issledovatel’skiy ocherk o vzaimosvyazi yego idey* [Lenin. A study on the unity of his thought]. Moscow: Mezhdunarodnyye

otnosheniya.

25. Lukács, D. (2003). *Istoriya i klassovoye soznaniye. Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera.

26. Marcuse, H. (2000). *Razum i revolyutsiya* [Reason and revolution]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

27. Marx, K. (1955a). K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedeniye [Contribution to the critique of Hegel's philosophy of right. The introduction]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 1, pp. 219–368). Moscow: Politizdat.

28. Marx, K. (1955b). Tezisy o Feyyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 1–4). Moscow: Politizdat.

29. Marx, K. (1960). Poslesloviye ko vtoromu izdaniyu “Kapitala” [Afterword to the second edition of “Capital”]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 23, pp. 12–22). Moscow: Politizdat.

30. Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marks & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Politizdat.

31. Mita, S. (1977). *The method of Capital*. Retrieved December 20, 2020, from: <https://www.marxists.org/subject/japan/mita/method-capital.htm>

32. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

33. Potresov, A.N. (1906). *Etyudy o russkoy intelligentsii* [Sketches about the Russian intelligentsia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoj.

34. Rozental, M.M. (1963). *Lenin i dialektika* [Lenin and dialectics]. Moscow: Izdatel'stvo VPSH i AON.

35. Rusakova, O.F. (1995). Leninskaya model' bol'shevizma [Lenin's model of Bolshevism]. In A. V. Gaida, & K.N. Lyubutin (Eds.), *Leninizm i Rossiya* (pp. 277–318). Ekaterinburg: UrO RAN.

36. Sartre, J.-P. (2008). *Problemy metoda* [The problem of method]. Moscow: Akademicheskij Proyekt.

37. Wright, E.O. (2008). *Class, state and ideology: An introduction to social science in the marxist tradition*. Wisconsin: University of Wisconsin.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com

Information about the author

Piotr Nikolaevich Kondrashov, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com
